

Максим Николаевич ШЕВЧЕНКО¹

УДК 930

О РОЛИ «ИСТОРИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI В.

¹ кандидат исторических наук, старший преподаватель,
кафедра библеистики и богословия,
Омская духовная семинария Омской Епархии Русской
Православной Церкви (Московского Патриархата)
maxsh1978@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9752-8332

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению полемики, развернувшейся в отечественной историографии вокруг постулатов, сформулированных основателями «исторической феноменологии». В настоящей работе предпринимается попытка определить наиболее спорные сюжеты дискуссии и сформировать представление о ее роли в развитии теоретико-методологических принципов отечественной медиевистики начала XXI в.

Изучение проблемы осуществлялось с использованием историко-генетического и историко-сравнительного методов исследования. В статье показано крайне поляризованное отношение отечественных ученых к теоретико-методологическим постулатам «исторической феноменологии». Российские историки уже обращались к данной проблеме, однако в их сочинениях не предпринималось попыток обобщить критику, подвести итоги дискуссии. Новые труды, как и прежние, написаны в жанре критики исследовательской программы А. Л. Юрганова и А. В. Каравашкина и лишь умножают работы подобного характера.

Автор данной статьи полагает, что наступило время обозначить итоги полемики, выделить ключевые идеи, критикуемые учеными, и определить наиболее дискуссионные сюжеты теоретико-методологического наследия российской медиевистики

Цитирование: Шевченко М. Н. О роли «исторической феноменологии» в отечественной историографии конца XX — начала XXI в. / М. Н. Шевченко // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2020. Том 6. № 3 (23). С. 154-167.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-3-154-167

начала XXI в. В настоящей работе на основе интенсивности критических замечаний можно выделить три наиболее дискуссионные положения «исторической феноменологии». Особое внимание уделено проблеме «объясняющего» и «понимающего» методов исследования, идее «надысторического» единства и принципу «беспредпосылочности» научного анализа.

Автор статьи приходит к выводу, что в ходе дискуссии отечественные ученые уточнили взгляды на сущность целого ряда терминов и понятий. Полемика, инициированная А. Л. Юргановым и А. В. Каравашкиным, позволила провести более четкие демаркационные линии как в теории, так и в практике гуманитарного исследования.

Ключевые слова

Антропологический поворот, историческая антропология, «историческая феноменология», «надысторическое» единство, принцип «беспредпосылочности», «феноменология культуры».

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-3-154-167

Введение

Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. историческая наука в СССР утратила пропагандистско-идеологическую функцию. Позитивизм отечественной историографии, в советские годы, основывавшийся на «единственно верном» марксистско-ленинском учении, вступил в полосу глубокого теоретико-методологического кризиса. На смену единому курсу пришел научный плюрализм.

В этих условиях, в том числе благодаря усилиям А. Я. Гуревича, отечественная гуманитаристика «присоединилась» к «антропологическому повороту». Историческая антропология — новое для российской историографии научное направление — быстрыми темпами набирало популярность. Поскольку ученый являлся сторонником французской школы «Анналов», то историческая антропология в России в первую очередь ориентировалась на методологические разработки французской историографии. Под руководством Арона Яковлевича были осуществлены переводы и публикации на русском языке основных работ Марка Блока, Люсьена Февра, Фернана Броделя, Жака Ле Гоффа и Филиппа Арьеса. На страницах основанного А. Я. Гуревичем в 1989 г. альманаха «Одиссей. Человек в истории» осуществлялась популяризация и развитие идей «Новой исторической науки». Среди ученых постепенно рос интерес к изучению менталитета, самосознания людей прошлого, которые стали рассматриваться в качестве основы для нового исторического синтеза [3, с. 7-24; 6].

Пожалуй, можно утверждать, что деятельность А. Я. Гуревича и его единомышленников (по большей части объединенных в составе редколлегии журнала «Одиссей. Человек в истории») во многом способствовала изменению взглядов российских исследователей на проблемы, задачи и подходы исторической науки. Отечественные ученые получили доступ к опыту зарубежных коллег и недостижимому ранее теоретико-методологическому разнообразию.

В значительной степени благодаря альманаху в российской историографии возникает интерес к таким научным направлениям, как микроистория, история повседневности и т. д. На страницах журнала публиковались и основатели «исторической феноменологии».

Один из номеров альманаха был целиком посвящен теме «Русская культура как исследовательская проблема» [25, с. 5-45]. Согласно опубликованной дискуссии, состоявшейся годом ранее в рамках круглого стола, общий пафос данному номеру журнала был задан выступлениями А. Л. Юрганова и А. В. Каравашкина. Статьи указанного номера посвящены проблеме формирования общего представления о сущности понятий «русская культура» и «русская история». Также ученые дискутировали о подходах и методах исследования российской истории и культуры.

Параллельно на заседаниях общемосковского семинара исследователей русской культуры XI-XVIII вв. (при Секторе древнерусской литературы ИМЛИ) при участии литературоведов, историков, искусствоведов, философов и востоковедов проходило становление другого научного направления — герменевтики древнерусской литературы. Благодаря усилиям выдающегося филолога Анатолия Сергеевича Демина в 1989 г. был учрежден сборник с одноименным названием. Сборник трудов «Герменевтика древнерусской литературы» [7] и альманах «Одиссей. Человек в истории» носят междисциплинарный характер. Оба издания сыграли важную роль в становлении научного плюрализма в российской историографии.

В 1990-х гг. происходит переход представителей тартуско-московской семиотической школы от теоретико-методологических исследований к анализу конкретных сюжетов истории и культуры Древней Руси. В этом отношении, пожалуй, по праву одним из лучших образцов использования семиотического метода стала книга Б. А. Успенского «Царь и патриарх».

В данных исторических и научных условиях сформировалась благоприятная атмосфера для творчества, созидания, дискуссии. В полемике с теоретико-методологическими установками указанных направлений и происходило формирование «исторической феноменологии».

Результаты и обсуждение

Как известно, появление понятия «историческая феноменология» связано с именем историка А. Л. Юрганова. Теоретико-методологическая разработка нового научного направления связана с монографией ученого «Категории русской средневековой культуры» [30]. Исследовательские принципы А. Л. Юрганова были поддержаны филологом А. В. Каравашкиным. Ученый наметил свои взгляды в статье-рецензии [12, с. 257-275] на монографию Б. А. Успенского «Царь и патриарх», затем уточнил их в монографии «Русская средневековая публицистика» [11]. Публично Л. А. Юрганов и А. В. Каравашкин выступили в поддержку исследовательских взглядов друг друга в ходе круглого стола «Русская культура в сравнительно-историческом освещении», организованного

в мае 2000 г. по инициативе редакции журнала «Одиссей. Человек в истории». Материалы круглого стола были опубликованы годом позднее [25, с. 13-23]. После чего оба ученых в совместном труде [13] изложили теоретико-методологические постулаты своей концепции.

Научное сообщество подвергло новое направление критике [2, с. 46-50; 18, с. 241-252], порой довольно суровой [4, с. 105-136; 15; 16, с. 94-102]. Впрочем, со временем критика стала мягче [10, с. 142-145; 26, с. 57-61], появились положительные рецензии [1]. Смягчение критических оценок оппонентов, на наш взгляд, связано с выходом очередной совместной монографии Л. А. Юрганова и А. В. Каравашкина, на страницах которой авторы с учетом критики уточнили свои научные взгляды [14]. Диапазон мнений по поводу теоретико-методологических принципов ученых оказался крайне поляризован: от довольно резких формулировок («историческая феноменология» — это термин, который способен только дезориентировать [15], это «дух празднословия» [4, с. 105-136]) до вполне лояльных (согласно которым «феноменологический подход только постулируется» [9]) и одобрительных («историческая феноменология как метод в исторической науке, безусловно, существует...» [10, с. 145] или «историческая феноменология в источниковедении культуры представлена А. В. Каравашкиным и А. Л. Юргановым как вполне осмысленный и проработанный в деталях методологический подход» [26, с. 57]). В научном сообществе отношение к исследовательской программе А. Л. Юрганова и А. В. Каравашкина принципиально не менялось и после того, как эти исследователи отказались от термина «историческая феноменология» в пользу понятия «источниковедение культуры» [14].

Мы не видим необходимости в повторении доводов оппонентов «исторической феноменологии» и приведем лишь наиболее критикуемые положения концепции, которые, по нашему мнению, одновременно являются ключевыми тезисами подхода, вынесенного Л. А. Юргановым и А. В. Каравашкиным на суд научного сообщества. Такой шаг позволит сформировать более целостное представление о сути полемики и сконцентрировать внимание на ее ключевых постулатах.

Известно, что Л. А. Юрганов и А. В. Каравашкин противопоставили свои научные принципы позитивизму, исторической антропологии и постмодернизму. Ключевые постулаты своего подхода авторы основывали на идеях немецкого философа, историка культуры, литературоведа Вильгельма Дильтея, немецкого философа, основателя феноменологии Эдмунда Гуссерля и русского философа и филолога Алексея Федоровича Лосева. Из философского наследия указанных мыслителей авторы извлекли ряд принципов. У В. Дильтея ученые заимствовали представление о сущности «объясняющего» и «понимающего» методов, а также их противопоставление в практике научного исследования. В построениях А. Ф. Лосева основателей «исторической феноменологии» привлекла идея «надисторического» единства, обеспечивающего целостность общественного бытия и человека. Из наследия Э. Гуссерля исследователи взяли принцип «беспредпосылочности», который должен находиться в основе научных изысканий, в частности, изучения текстов [11, с. 4-5; 13, с. 13-14, 20-21; 30, с. 5-26].

Наибольшей порции критики оппонентов удостоились три указанных выше положения «исторической феноменологии». Частота критики и степень ее накала распределились между указанными постулатами неравномерно. Кратко охарактеризуем первые два тезиса, часто критикуемые, но всё же, не отвергаемые исследователями бескомпромиссно.

Опираясь на философию В. Дильтея, авторы концепции предлагают принять тезис мыслителя о различии между «объясняющими» (естественными) и «понимающими» (гуманитарными) науками как аксиому. По их мнению, «понимающий» метод выражает суть исследовательской программы «исторической феноменологии», поскольку «понимание предполагает целостность <...> как неперемное условие познания, как основополагающий принцип герменевтики» [13, с. 13]. В то время как «объясняющий» метод не позволяет работать с «чужой одушевленностью» автора текста. Тем не менее, основоположники «исторической феноменологии» признавали возможность использования принципа «дополнительности» при формировании методологической стратегии научного исследования [13, с. 22].

Позднее эта мысль получила развитие в новой совместной монографии ученых [14]. В 2010 г. А. Л. Юрганов еще раз манифестировал свой взгляд на историческое прошлое и принципы работы с ним. Согласно точке зрения ученого, историческая феноменология «пытается не объяснить, а понимать историю в границах, которые открываются в типичных объяснениях людей» [28, с. 177]. Оппоненты не упускали возможности подчеркнуть нелогичность противопоставления «объясняющей» и «понимающей» моделей исследования и исключительное доверие к «понимающей» парадигме в теоретико-методологических построениях А. Л. Юрганова и А. В. Каравашкина [15].

Второй по степени полемичности и частоте упоминаний в рецензиях оппонентов стала идея о «надысторическом» единстве российской истории и культуры. По мнению А. Л. Юрганова и А. В. Каравашкина, в исследовательской практике невозможно обойтись без представления о метафизической связи изучаемых феноменов. Согласно позиции ученых, факты невозможно осмыслить вне целого [13, с. 11, 13, 18]. Авторы убеждены, что исследователи, изучающие историю и культуру России, обязаны постулировать ее целостность, используя ряд категорий. На «макроуровне» это категории «история России» и «русская культура». Оппоненты тотчас подвергли критике тезис о всевременной «метафизической целостности» русской культуры [2, с. 46-50].

И действительно, если в философии А. Ф. Лосева «надысторическое» единство органично вытекает из мировоззрения автора и основано на христианском понимании Бога, то какая связь объединяет исторические феномены в рамках терминов «история России» и «русская культура»? Отметим, что мысль о «надысторическом» единстве исторического процесса оказалась весьма захватывающей. Современные ученые продолжают размышлять на указанную тему и предлагать новые интерпретации данной идеи [19, с. 10-19].

Самым спорным в полемике вокруг теоретико-методологических постулатов «исторической феноменологии» стал тезис о «беспредпосылочности» изучения исторических источников. Предметом гуманитарного исследования авторы видят текстовые источники (как «самоцель познания и единственную реальность, несущую в себе собственные... смыслы» [13, с. 333]), в которых реализуются функции чужого сознания. Согласно авторам, «историческая феноменология реконструирует мифы как подлинную осуществившуюся реальность» [13, с. 22-24]. По мнению исследователей, для того, чтобы понять другого, необходимо дать «чужой одушевленности» право на монолог [11, с. 8-9; 13, с. 333; 27, с. 41-50; 30, с. 30-31]. В этой связи ученые настаивают на том, что в исследовательской практике необходимо придерживаться принципа «беспредпосылочности». Они понимают его как исключение «выводного знания» в ходе истолкования текста. Иначе говоря, необходимо исключить вопросы, адресуемые источнику, в которых подразумеваются готовые ответы, поскольку, задавая свои вопросы, «историк неизбежно привносит в изучаемую эпоху собственную систему оценок и выводов» [12, с. 271; 13, с. 21].

Можно сказать, что авторы рекомендуют следовать феноменологической редукции и анализировать не объект сам по себе, а смысл, который этот объект получает в сознании человека [6, с. 78-79]. Принцип «беспредпосылочности» предполагается реализовать следующим образом: во-первых, необходимо отказаться от психологизма как способа понимания «чужой одушевленности»; во-вторых, отказаться от здравого смысла как естественной для обыденного сознания установки на модернизацию прошлого; в-третьих, отказаться от естественно-научной установки на абсолютизацию познавательных возможностей [14, с. 162; 29]. В данных построениях оппонентов не устраивали два момента. Во-первых, по мнению критиков, первый тезис не содержит новизны (был сформулирован еще в XIX в.), а два других вполне укладываются в позитивистскую традицию; во-вторых, встает вопрос: как на практике реализовать принцип «беспредпосылочности» [9; 15; 22]?

Наиболее непримиримые критики концепции А. Л. Юрганова и А. В. Каравашкина утверждают, что нового научного подхода, именуемого «историческая феноменология», не существует. Заявление основателей концепции о том, что их детище занимает «особое место» в системе научных направлений [13, с. 334] — не более чем миф [15]. По мнению А. Н. Власова,

«вряд ли уж столь необходимо заявлять о рождении новой научной дисциплины „источниковедение культуры“, если существует источниковедение вообще, в частности, текстология, с широким спектром методологических подходов и принципов анализа и описания источника» [5, с. 110].

Для ряда ученых очевидно, что исследовательская программа А. Л. Юрганова и А. В. Каравашкина не содержит новизны и основана на элементах позитивизма, исторической антропологии и постмодернизма.

В контексте неухающей полемики выделяется взгляд Л. Б. Сукиной на развитие подходов и методов в отечественной историографии конца XX — начала XXI в. [26]. Сама автор является последовательным апологетом «феноменологического» подхода в истории [26, с. 42-43, 49-61]. На страницах своего труда исследовательница находит возможным «примирить» ряд противоречий, существующих в современной российской гуманитаристике. Так, критику А. Л. Юрганова в адрес «феноменологии культуры» А. С. Лаппо-Данилевского [27, с. 36-52] автор именуется «вопросами ученого рубежа XX-XXI вв., заново осмысливающего пути развития и методологию исторического знания, обращенными к самому себе и своим коллегам-современникам» [26, с. 46].

Исследовательница полагает, что научные взгляды А. С. Лаппо-Данилевского [17, с. 136-365], его последователей в лице О. М. Медушевской [20, с. 100-136; 21] и М. Ф. Румянцевой [23, с. 12-22; 24, с. 11-26] с одной стороны и взгляды А. Л. Юрганова и А. В. Каравашкина с другой, являются двумя направлениями «поиска оснований специфики исторической феноменологии» [26, с. 42-43]. По мнению автора, отличие между направлениями состоит в осмыслении цели и конкретных методик источниковедения культуры [26, с. 48]. Тем не менее, она не остается в стороне от сравнения как теоретических положений, так и практических методик познания «феноменологии культуры» А. С. Лаппо-Данилевского и «исторической феноменологии» А. Л. Юрганова и А. В. Каравашкина.

Л. Б. Сукина приходит к выводу, что более оправданным подходом к познанию «чужой одушевленности» является концепция А. С. Лаппо-Данилевского, нежели методологические принципы современных ученых [26, с. 49]. Она критикует взгляды А. Л. Юрганова и А. В. Каравашкина в той же части, что и прежние оппоненты. Практика применения принципа «беспредпосылочности» с его выше упоминаемыми тремя «отказами» так же не очевидна для Л. Б. Сукиной, как и для ее коллег [26, с. 48]. По мнению ученого, «беспредпосылочная герменевтика» источника не осуществима в практике исследования [26, с. 48]. Тем не менее, историк убеждена, что «методологические противоречия могут быть преодолены по мере развития и оформления метода исторической феноменологии в живой исследовательской практике» [26, с. 50].

В данном случае мы не можем не возразить. Ключевая идея А. С. Лаппо-Данилевского, проходящая красной нитью через всю его книгу «Методология истории», заключается в стремлении показать возможность синтеза между двумя подходами. Суть одного подхода заключается в выявлении закономерностей, типических черт, другого — в выявлении различий, индивидуальных черт. Указанные методы, используемые в научном исследовании по принципу взаимодополнения, дают возможность целостного постижения объекта изучения. В данном случае речь идет о преодолении противопоставления двух способов исследования реальности. Такой взгляд является антитезисом неокантианскому взгляду на науку [17, с. 30-32] и довольно значительно отличается от исследовательского кредо основателей «исторической феноменологии».

Основательная критика А. Л. Юргановым исторической антропологии в трактовке А. Я. Гуревича и его последователей [29] в книге Л. Б. Сукиной трансформируется в дискуссию «о конкретных методах современной герменевтики и возможностях их применения в исторических исследованиях культуры прошлого и интерпретации источников» [26, с. 61-62]. И в первом, и во втором случае исследовательница не видит в существенных различиях между подходами непреодолимых противоречий.

Выводы

Делая обзор истории развития полемики, мы обратили внимание на ряд обстоятельств. Во-первых, в дискуссию были в основном вовлечены историки и филологи. Во-вторых, чаще других объектами своей критики оппоненты выбирали три вышеуказанных элемента концепции А. Л. Юрганова и А. В. Каравашкина. Заметно чаще и суровее ученые критиковали идею «надысторического» единства российской истории и культуры и принцип «беспредпосылочности». Именно на положение о «беспредпосылочности» исследовательской деятельности обрушилась беспощадная критика. Даже ученые, связывающие свои теоретико-методологические взгляды с феноменологией, не приняли данного исследовательского принципа. Можно сказать, что научное сообщество, аргументированно критикуя концептуальные взгляды основателей «исторической феноменологии», категорически не признало возможность использования в практике исследования принцип «беспредпосылочности».

По нашему мнению, появление «исторической феноменологии», а точнее, возникновение полемики вокруг сформулированных А. Л. Юргановым и А. В. Каравашкиным теоретических и практических принципов исследования стало важной вехой в развитии российской гуманитаристики конца XX — начала XXI в. Во-первых, в ходе дискуссии отечественные ученые в очередной раз провели ревизию теоретического и методологического наследия, в ходе которой уточнили взгляды на сущность целого ряда терминов и понятий. Во-вторых, полемика очень быстро набрала высокую интенсивность и, словно воронка, затягивала в дискуссию широкий круг ученых. Высокий градус диспута дал положительный эффект.

Многие исследователи, что называется, «сверили часы» и определились по целому ряду вопросов: к какому направлению они имеют принадлежность; как относятся к исторической антропологии, «исторической феноменологии», другим научным подходам и направлениям; что такое междисциплинарность и как это явление реализуемо на практике. И самый главный вопрос: что такое «история»? Как следует мыслить и представлять историю, ее необходимо понимать и/или объяснять? Определенно, полемика, инициированная А. Л. Юргановым и А. В. Каравашкиным, позволила провести более четкие демаркационные линии как в теории, так и в практике гуманитарного исследования, а также способствовала формированию более взвешенного подхода к подбору методологической стратегии научного исследования историком-медиевистом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. Д. Рецензия на книгу: Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Регион Докса: источниковедение культуры. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2005. — 210 с. / А. Д. // Новый исторический вестник. 2006. № 1 (14). URL: http://www.nivestnik.ru/2006_1/24.shtml (дата обращения: 22.06.2020).
2. Баткин Л. М. Несколько нудных замечаний в ответ на увлекательные «детские вопросы» / Л. М. Баткин // Одиссей. Человек в истории. 2001. М.: Наука, 2001. С. 46-50.
3. Бессмертный Ю. Л. «Анналы»: переломный этап? / Ю. Л. Бессмертный // Одиссей. Человек в истории. 1991. М.: Наука, 1991. С. 7-24.
4. Буланин Д. М. Дух празднословия (в связи с выходом книги А. Л. Юрганова «Убить беса») / Д. М. Буланин // Русская литература. 2008. № 1. С. 105-136.
5. Власов А. Н. О книге А. Л. Юрганова «Убить беса: путь от Средневековья к Новому времени» / А. Н. Власов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 1 (31). С. 109-115.
6. Волков А. В. Феноменология: основные идеи и значение для исторической науки / А. В. Волков // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. № 4 (17). С. 77-84.
7. Герменевтика древнерусской литературы: Сборник 1: XI-XVI вв. / АН СССР; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького; отв. ред. А. С. Демин. М.: Тип. Мин-ва культуры СССР, 1989. 481 с.
8. Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. М.: Индрик, 1993. 328 с.
9. Дискуссия по статье Андрея Юрганова «Источниковедение культуры в контексте развития исторической науки // Россия XXI. 2003. № 4. URL: http://www.russia-21.ru/XXI/RUS_21/ARXIV/2003/diskussia_04_2003.htm (дата обращения: 20.06.2020).
10. Исаев Д. П. Источниковедение культуры, или феноменологический метод в современной российской историографии / Д. П. Исаев // КЛИО. 2013. № 12 (84). С. 142-145.
11. Каравашкин А. В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский / А. В. Каравашкин. М.: Прометей, 2000. 418 с.
12. Каравашкин А. В. Харизма царя. Средневековая концепция власти как предмет семиотической интерпретации (рец. на кн.: Б. А. Успенский. Царь и патриарх: харизма власти в России. М., 1998) / А. В. Каравашкин // Одиссей. Человек в истории. 2000. М.: Наука, 2000. С. 257-275.
13. Каравашкин А. В. Опыт исторической феноменологии: трудный путь к очевидности / А. В. Каравашкин, А. Л. Юрганов. М.: РГГУ, 2003. 385 с.
14. Каравашкин А. В. Регион Докса. Источниковедение культуры / А. В. Каравашкин, А. Л. Юрганов. М.: РГГУ, 2005. 210 с.
15. Кром М. М. «Зрячий миф», или Парадоксы «исторической феноменологии» / М. М. Кром // Новое литературное обозрение. 2004. № 4 (68). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/4/zryachij-mif-ili-paradoksy-istoricheskoy-fenomenologii.html> (дата обращения: 18.06.2020).
16. Кром М. М. Герменевтика, феноменология и загадки русского средневекового сознания / М. М. Кром // Отечественная история. 2000. № 6. С. 94-102.

17. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: в 2 томах / А. С. Лаппо-Данилевский; подгот. текста: Р. Б. Казаков, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Том 1. 408 с.
18. Лукин П. В. [рец.] Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М.: Мирос, 1998. 448 с., илл. / П. В. Лукин // Средневековая Русь. 2001. № 3. С. 241-252.
19. Любутин К. Н. Историческая феноменология бесчеловечности / К. Н. Любутин, П. Н. Кондрашов. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 244, [1] с.
20. Медушевская О. М. Феноменология культуры: Концепция А. С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени / О. М. Медушевская // Исторические записки. 1999. № 2 (120). С. 100-136.
21. Медушевская О. М. Методология истории / О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1997. 72 с.
22. Ранчин А. «Художественное» убийство или богословская вольность? (Рец. на кн.: А. Л. Юрганов. Убить беса: путь от Средневековья к Новому времени. М., 2006) / А. Ранчин // Новое литературное обозрение. 2008. № 1 (89). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/1/hudozhestvennoe-ubijstvo-ili-bogoslovskaya-volnost.html> (дата обращения: 19.06.2020).
23. Румянцева М. Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской / М. Ф. Румянцева // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2009. № 4. С. 12-22.
24. Румянцева М. Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской. Статья вторая / М. Ф. Румянцева // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2010. № 7 (50). С. 11-26.
25. Русская культура в сравнительно-историческом освещении // Одиссей. Человек в истории. 2001. М.: Наука, 2001. С. 5-41.
26. Сукина Л. Б. Человек верующий в русской культуре XVI-XVII веков / Л. Б. Сукина. М.: РГГУ, 2011. 424 с.
27. Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии / А. Л. Юрганов // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 36-52.
28. Юрганов А. Л. Историческая феноменология: «Не объяснять, а понимать» / А. Л. Юрганов // Россия XXI. 2010. № 1. С. 176-187. URL: <http://www.russia-21.ru/issues/2010-1/> (дата обращения: 13.10.2020).
29. Юрганов А. Л. Источниковедение культуры в контексте развития исторической науки / А. Л. Юрганов // Россия XXI. 2003. № 3. С. 56-99; № 4. С. 64-85. URL: http://www.russia-21.ru/XXI/RUS_21/ARXIV/2003/yarganov_2003_03.htm, http://www.russia-21.ru/XXI/RUS_21/ARXIV/2003/yarganov_2003_04.htm (дата обращения: 15.06.2020).
30. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры / А. Л. Юрганов. М.: Мирос, 1998. 448 с.

Maksim N. SHEVCHENKO¹

UDC 930

**ON THE ROLE OF “HISTORICAL PHENOMENOLOGY”
IN THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY
OF THE LATE 20TH — EARLY 21ST CENTURY**

¹ Cand. Sci. (Hist.), Senior Lecturer,
Biblical and Theological Department,
Omsk Seminary in Omsk Diocese of the Russian Orthodox Church
(the Moscow Patriarchate)
maxsh1978@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9752-8332

Abstract

This article follows the discussion that developed in the Russian historiography around the postulates formulated by the founders of “historical phenomenology”. The author attempts to identify the most controversial topics of discussion and to form an idea of its role in the development of theoretical and methodological principles of the Russian medieval studies in the early 21st century.

The study of the problem has required using historical-genetic and historical-comparative research methods. This article shows an extremely polarized attitude of the Russian researchers to the theoretical and methodological postulates of the “historical phenomenology”. The Russian historians have already addressed this problem, but their writings made no attempt to generalize the criticism or sum up the discussion. The new works, similarly to the previous ones, are written in the genre of criticism of the research program by A. L. Yurganov and A. V. Karavashkin and only multiply works of this nature.

The author believes that the time has come to define the results of the controversy, to highlight the key ideas criticized by researchers, and thus, to determine the most controversial topics of the theoretical and methodological legacy of the Russian medieval studies in the early 21st century. Based on the intensity of critical comments, this paper identifies three of the most

Citation: Shevchenko M. N. 2020. “On the Role of ‘Historical Phenomenology’ in the Russian Historiography of the Late 20th — Early 21st Century”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 6, no. 3 (23), pp. 154-167.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-3-154-167

controversial positions of “historical phenomenology”. Special attention is paid to the problem of “explaining” and “understanding” the research methods, the idea of the “supra-historical” unity and the principle of “non-referentiality” in research analysis.

This paper concludes that during the discussion, the Russian researchers clarified their views on the essence of a number of terms and concepts. The polemics initiated by A. L. Yurganov and A. V. Karavashkin allowed drawing clearer lines of demarcation both in the theory and practice of humanities research.

Keywords

Anthropological turn, historical anthropology, “historical phenomenology”, “supra-historical” unity, principle of “non-referentiality”, “phenomenology of culture”.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-3-154-167

REFERENCES

1. A. D. 2006. “Book review: Karavashkin A. V., Yurganov A. L. *Doxa Region: source studies of culture*. Moscow: Russian state University for the Humanities, 2005. 210 pp.”. *New Historical Bulletin*, no. 1 (14). Accessed 22 June 2020. http://www.nivestnik.ru/2006_1/24.shtml [In Russian]
2. Batkin L. M. 2001. “A few boring remarks in response to fascinating ‘children’s questions’”. In: *Odysseus. Man in History*, pp. 46-50. Moscow: Nauka. [In Russian]
3. Bessmertnyy Yu. L. 1991 “Annals: a turning point?”. In: *Odyssey. Man in History*, pp. 7-24. Moscow: Nauka. [In Russian]
4. Bulanin D. M. 2008. “The spirit of idleness (in connection with the release of the book by A. L. Yurganov ‘To Kill the Demon’)”. *Russian Literature*, no. 1, pp. 105-136. [In Russian]
5. Vlasov A. N. 2008. “About the book by A. L. Yurganov ‘To Kill the Demon: The Path from the Middle Ages to the New Time’”. *Ancient Russia. Questions of Medieval Studies*, no. 1 (31), pp. 109-115. [In Russian]
6. Volkov A. V. 2008. “Phenomenology: basic ideas and significance for historical science”. *Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, no. 4 (17), pp. 77-84. [In Russian]
7. Demin A. S. (ed.). 1989. *Hermeneutics of Ancient Russian Literature. Vol. 1: 11th-16th centuries*. Moscow: Tipografia Ministerstva kulturey USSR; USSR Academy of Sciences; Institute of World Literature named after A. M. Gorky. 481 pp. [In Russian]
8. Gurevich A. Ya. 1993. *Historical Synthesis and the Annales School*. Moscow: Indrik. 328 pp. [In Russian]
9. *Russia XXI*. 2003. “Discussion on the article by Andrey Yurganov ‘Source studies of culture in the context of the development of historical science’”. *Russia XXI*, no. 4. Accessed 20 June 2020. http://www.russia-21.ru/XXI/RUS_21/ARXIV/2003/diskussia_04_2003.htm [In Russian]
10. Isaev D. P. 2013. “Source studies of culture, or the phenomenological method in modern Russian historiography”. *CLIO*, no. 12 (84), pp. 142-145. [In Russian]

11. Karavashkin A. V. 2000. Russian Medieval Journalism: Ivan Peresvetov, Ivan the Terrible, Andrei Kurbsky. Moscow: Prometey. 418 pp. [In Russian]
12. Karavashkin A. V. 2000. "Charisma of the tsar. The medieval concept of power as a subject of semiotic interpretation (review of the book: Uspensky B. A. 1998. Tsar and Patriarch: Charisma of Power in Russia (Moscow))". *Odyssey. Man in History*, pp. 257-275. Moscow: Nauka. [In Russian]
13. Karavashkin A. V., Yurganov A. L. 2003. Experience of Historical Phenomenology: The Difficult Path to Evidence. Moscow: RGGU. 385 pp. [In Russian]
14. Karavashkin A. V., Yurganov A. L. 2005. The Region of the Doxa. Source Studies of Culture. Moscow: RGGU. 210 pp. [In Russian]
15. Krom M. M. 2004. "The 'seeing myth' or Paradoxes of 'historical phenomenology'". *New Literary Review*, no. 4 (68). Accessed 18 June 2020. <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/4/zryachij-mif-ili-paradoksy-istorich-eskoj-fenomenologii.html> [In Russian]
16. Krom M. M. 2000 "Hermeneutics, phenomenology and riddles of Russian medieval consciousness". *Russian History*, no. 6, pp. 94-102. [In Russian]
17. Lappo-Danilevskiy A. S. 2010. Methodology of History: in 2 vols. Vol. 1. Edited by R. B. Kazakov, O. M. Medushevskaya and M. F. Rumyantseva. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 408 pp. [In Russian]
18. Lukin P. V. 2001. "[Review] Yurganov A. L. 1998. Categories of Russian Medieval Culture. Moscow: Miros. 448 pp.". *Medieval Russia*, no. 3, pp. 241-252. [In Russian]
19. Lyubutin K. N., Kondrashov P. N. 2010. Historical Phenomenology of Inhumanity. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 244, [1] pp. [In Russian]
20. Medushevskaya O. M. 1999. "Phenomenology of culture: the concept of A. S. Lappo-Danilevsky in the Humanities of modern times". *Historical Notes*, no. 2 (120), pp. 100-136. [In Russian]
21. Medushevskaya O. M., Rumyantseva M. F. 1997. History Methodology. Moscow: RGGU. 72 pp. [In Russian]
22. Ranchin A. 2008. "The 'art' of murder or theological liberty? (Review of the book: Yurganov A. L. 2006. To Kill the Demon: The Path from the Middle Ages to the New Time. Moscow)". *New Literary Review*, no. 1 (89). Accessed 19 June 2020. <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/1/hudozhestvennoe-ubijstvo-ili-bogoslovskaya-volnost.html> [In Russian]
23. Rumyantseva M. F. 2009 "Phenomenological concept of source study in the interpretation of Olga Mikhailovna Medushevskaya." *RGGU Bulletin. Series "Historical Sciences. Historiography, Source Studies, Methods of Historical Research "*. no. 4, pp. 12-22. [In Russian]
24. Rumyantseva M. F. 2010 "Phenomenological concept of source study in the interpretation of Olga Mikhailovna Medushevskaya. Second article". *RGGU Bulletin. Series "Historical Sciences. Historiography, Source Studies, Methods of Historical Research"*, no. 7 (50), pp. 11-26. [In Russian]
25. "Russian culture in comparative historical coverage". 2001. In: *Odysseus. Man in History*, pp. 5-41. Moscow: Nauka. [In Russian]
26. Sukina L. B. 2011. Believer in the Russian Culture of the 16th-17th Centuries. Moscow: RGGU. 424 pp. [In Russian]

27. Yurganov A. L. 2001 “Experience of historical phenomenology”. *Question of History*, no. 9, pp. 36-52. [In Russian]
28. Yurganov A. L. 2010. “Historical phenomenology: ‘Not to explain, but to understand’”. *Russia XXI*, no. 1, pp. 176-187. Accessed 13 October 2020. <http://www.russia-21.ru/issues/2010-1/> [In Russian]
29. Yurganov A. L. 2003. “Source studies of culture in the context of the development of historical science”. *Russia XXI*, no. 3, pp. 56-99; no. 4, pp. 64-85. Accessed 15 June 2020. http://www.russia-21.ru/XXI/RUS_21/ARXIV/2003/yarganov_2003_03.htm, http://www.russia-21.ru/XXI/RUS_21/ARXIV/2003/yarganov_2003_04.htm [In Russian]
30. Yurganov A. L. 1998. *Categories of Russian Medieval Culture* Moscow: Miros. 448 pp. [In Russian]